

ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК ПРЕДМЕТ ЮРИДИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

© 2009 г. Н. В. Варламова¹

Начиная с Нового времени проблематика прав человека занимает едва ли не центральное место в западной философии права. Представления о правах человека как формализованном выражении способов и условий социального бытия людей, характера их отношений между собой, с государством и обществом² образуют неотъемлемую часть любой правовой теории. При этом права человека обычно берутся в своем сугубо ценностном аспекте, как некий социальный идеал³. Не случайно принято говорить о современной идеологии⁴ прав человека – мировоззрении, базирующемся на признании прав человека безусловной и основополагающей социальной ценностью, степень реализации которой в рамках той или иной социальной организации служит критерием ее оценки в качестве надлежащей, правильной, справедливой. Именно таково исходное закрепление прав человека в Конституции Российской Федерации: “Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства” (ст. 2).

Однако сведение прав человека исключительно к социальной ценности порождает немалые пробле-

мы. Ценность – довольно неопределенный феномен. В науке понятие ценности остается дискуссионным и малоразработанным⁵. Различные смыслы, придаваемые ему философами, социологами и психологами, могут быть обобщены следующим образом:

ценность – это любой объект (материальный или идеальный), составляющий предмет интереса, желания, стремления определенного лица (группы лиц)⁶;

ценность – это предметное воплощение элементов исторически-конкретной системы жизнедеятельности определенной социальной общности⁷;

ценность – это абстрактное выражение представлений о желательном (надлежащем, правильном) типе социального взаимодействия, обусловленных конкретно-историческим контекстом социального бытия, которое реализуется членами сообщества в процессе социализации и предопределяет направленность и характер их деятельности⁸.

Нетрудно заметить, что все три понятия взаимосвязаны. Первое – наиболее широкое и охватывает любые явления, которые тем или иным субъектом могут квалифицироваться как ценность (от шикарного платья до государства и свободы). Второе и третье понятия применимы к социальным ценностям и указывают, соответственно, на их предметное (институциональное) и идеологическое (система взглядов и идей) воплощения, которые взаимно коррелируют (тот или иной социальный институт является ценностью, поскольку в нем реализованы определенные идеалы). Очевидно, что права человека как ценность охватываются третьим понятием и в таком качестве выступают критерием оценки (отнесения к категории социальных ценностей) различных социальных институтов.

Столь же очевидно, что каждое из рассмотренных понятий ценности имеет общую составляю-

¹ Старший научный сотрудник Института государства и права РАН, кандидат юридических наук, доцент.

² См.: Права человека. Учебник для вузов / Под ред. Е.А. Лукашевой. М., 2003. С. 1.

³ “Идеал – это мысленный образец совершенства, норма, к которой следует стремиться как к конечной цели деятельности” (Яценко А.И. Целеполагание и идеалы. Киев, 1977. С. 153). Социальный идеал – выработанные общественным сознанием и присутствующие в нем обобщенные представления о совершенстве в различных сферах общественной жизни (Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 22).

⁴ Под идеологией принято понимать систему взглядов и идей, в которых выражается отношение к социальной действительности в целом или отдельным ее составляющим. Идеология указывает систему идеалов и ценностей, на достижение которых ориентируется социальная деятельность (политическая, экономическая, религиозная и т.п.). См.: Политология. Энциклопедический словарь / Под ред. Ю.И. Аверьянова. М., 1993. С. 113, 115. Идеология – это система утверждений о предпочтительных ценностях, т.е. ценностно-ориентированное знание, представление о социальной реальности (см.: Синха Сурия Прокаш. Юриспруденция. Философия права. Краткий курс. М., 1996. С. 65; Смелзер Н. Социология. М., 1998. С. 55; Поляков А.В. Общая теория права. Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. Курс лекций. СПб., 2004. С. 32).

⁵ См., например: Леонтьев Д.А. Указ. соч.

⁶ См., например: Ивин А.А. Основание логики оценок. М., 1979. С. 12–13; Рабочая книга социолога. М., 1983. С. 15; Леонтьев Д.А. Указ. соч. С. 17.

⁷ См., например: Леонтьев Д.А. Указ. соч. С. 20.

⁸ См., например: Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы. М., 1972. С. 368; Супрун В.И. Ценности и социальная динамика // Наука и ценности. Новосибирск, 1987. С. 162; Смелзер Н. Указ. соч. С. 660; Латин Л.И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социологические исследования. 1996. № 5. С. 5.

щую, указывающую на существенную характеристику ценности – ее субъективность. Ценность как предмет, явление, институт или идея не существует сама по себе, вне конкретного субъекта, признающего ее таковой (оценивающего ее или иные предметы, явления, институты или идеи как ценности)⁹. На этом акцентируют внимание все исследователи, подчеркивая, что ценность – “сугубо человеческое отношение к феномену, “обращенному” к какому-либо лицу и удовлетворяющему какие-либо его потребности”¹⁰; она характеризуется известной диалектической двойственностью, будучи равнодействующей субъекта и объекта¹¹; выражает значение данного предмета для субъекта¹²; представляет собой явление особой социальной реальности, возникающей и существующей в результате “сцепки” определенных свойств предметов объективной действительности и направленных на них потребностей, интересов субъектов¹³.

Отсюда признание того или иного объекта (явления) ценностью, определение ее содержания, соотнесение с другими ценностями в значительной мере субъективно. Ценности *a priori* не универсальны и относительны. Они обусловлены общим социокультурным контекстом¹⁴, а также психологическим складом, личным опытом, социальным положением конкретного лица. Поэтому вряд ли верно говорить об идеологии, представляющей собой ценностно-ориентированное мировоззрение, как о базовой общественной идее, которая принимается всеми слоями социума и проявляется в открытой или латентной форме во всех сферах социального функционирования (экономике, политике, социальной изменчивости), и видеть в поддержании единого идеологического пространства важнейшую задачу государства¹⁵. Единая система ценностей, добровольно принимаемая всеми группами и слоями населения, – это утопия. Неоднородность социальной структуры обуславливает сосуществование в обществе в любую историческую эпоху различных, порой даже противоположных ценностей. Причем ценностное разнообразие присуще не только обществу в целом, но и отдельным социальным

группам и сообществам более низкого уровня¹⁶. Поэтому конституционный запрет на государственную идеологию¹⁷ как принудительно насаждаемую и исключающую иные ценностные предпочтения отдельных лиц или групп, вполне оправдан. Мировоззренческая нейтральность государства является признаком развитой политической культуры¹⁸.

Но как тогда быть с конституционным провозглашением высшей ценностью прав и свобод человека? Формулировка ст. 2 Конституции вполне обоснованно квалифицируется как либеральная идеологема¹⁹. Причем неприятие данной идеологемы в российском обществе, в том числе и в научной среде, довольно активное. Так, О.В. Мартышин считает едва ли не самым негативным явлением в юридической науке за последние десятилетия утверждение приоритета прав личности, которые, по его мнению, на самом деле находятся в одном ряду с благом народа, интересами государства и другими ценностями. Обосновывать обратное (ставить права человека выше прав всего общества или его части), считает он, значит оправдывать необузданный эгоизм и индивидуализм. При этом ст. 2 Конституции, из которой сторонники данного “общественно опасного тезиса” выводят признание приоритета прав человека, О.В. Мартышин определяет как имеющую лишь “лозунговый характер”, “неудачный текст, лишенный юридической определенности”²⁰. В.И. Якунин отрицает заложенный в формулировке ст. 2 “атеистический парадигмальный подход” и предлагает заменить ее текст на следующий: “Высшими ценностями Российского государства являются государственная суверенность России, накопленные ею в веках и поколениях ценности культуры, религий, традиций, духовное достоинство, права и свободы человека. Запрещается реализация одних высших ценностей Российского государства в ущерб другим”²¹. Признание, соблюдение и защита высших ценностей Российского государства – обязанность государства”²².

¹⁶ См., например: Леонтьев Д.А. Указ. соч. С. 19–20.

¹⁷ “В Российской Федерации признается идеологическое многообразие. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной” (ч. 1, 2 ст. 13 Конституции РФ).

¹⁸ См.: Хёффе О. Политика. Право. Справедливость. Основы критической философии права и государства. М., 1994. С. 14.

¹⁹ См.: Колдаева Н.П. К вопросу о роли идеологических факторов в правообразовании // Теория права: новые идеи. Вып. 4. М., 1995. С. 40; Якунин В.И. Указ. соч. С. 7.

²⁰ См.: Мартышин О.В. Теория государства и права в постсоветское десятилетие. Некоторые итоги // Право и политика. 2000. № 7. С. 9.

²¹ Заметим, что такой запрет делает практически невозможным реализацию ни одной из указанных ценностей.

²² Якунин В.И. Указ. соч. С. 7.

⁹ См., например: Корват М., Милановский В. Политические ценности // Элементы теории политики. Ростов-н/Д., 1991. С. 224–227.

¹⁰ Поляков А.В. Указ. соч. С. 32.

¹¹ См.: Неновски Н. Право и ценности. М., 1987. С. 25.

¹² См.: Каган М.С. Философская теория ценности. СПб., 1997. С. 77.

¹³ См.: Мамут Л.С. Государство в ценностном измерении. М., 1998. С. 8; Егз же. Государствование: аксиологический подход // Политико-правовые ценности: история и современность. М., 2000. С. 134.

¹⁴ См.: Поляков А.В. Указ. соч. С. 348–362.

¹⁵ См.: Якунин В.И. Государственная идеология и национальная идея: конституционно-ценностный подход // Гос. и право. 2007. № 5. С. 6.

Отторжение идеи верховенства прав человека, признаваемых большинством стран мирового сообщества, пытаются объяснить исторически сформировавшимися национальными особенностями России²³, где “не индивидуалистические права человека выдвигались на первый план, а права в единстве с обязанностями и ответственностью. Права, *соединяющие* людей в общество, а не противопоставляющие субъектов друг другу и не разъединяющие их, права, предполагающие приоритет моральной обязанности и чувство социального долга – таков “архитипичный” идеал русской правовой культуры”²⁴. Однако более двух столетий назад в Европе столь же противоречивым образом оценивали принятие французской Декларации прав человека и гражданина: “Политики и историки тщательно взвешивали ее значение и нередко приходили к выводу, что именно оно содействовало наступлению той анархии, которая водворилась во Франции после взятия Бастилии. Доказывали, что отвлеченные формулы “Декларации” допускают самое разное толкование, и что поэтому они опасны. Утверждали, что она лишена реального политического содержания и живого понимания деятельности государства. Говорили, что бессодержательный пафос ее смутил умы, затуманил спокойное суждение, расжег страсти, убил чувство долга – ведь об обязанностях в ней не говорится. Другие, в особенности французы, восхваляли ее, как откровение со всемирно-историческим значением, как катехизис “принципов 1789 года”, как вечную основу государственного строя, как самый драгоценный дар, принесенный Францией человечеству”²⁵.

Означает ли такой разброс мнений абсолютный ценностный релятивизм? И может ли дискуссия относительно прав человека вестись не на сугубо идеологическом, а на рационально-научном уровне? На сей счет имеются определенные сомнения. Многие исследователи разделяют высказанную У. Гели идею “сущностной оспоримости политических понятий” (essential contestability of political concepts), таких как власть, справедливость, свобода, демократия, политика и т.п.²⁶, которые являются “неискоренимо ценностно-зависимыми”²⁷, поскольку выражение определенной ценности образует неотъемлемую часть самого понятия. “Идеологический

элемент как бы непосредственно “встроен” в содержание понятия, и это обрекает на неудачу любые попытки его “объективного” определения”²⁸. В.Г. Ледаев подчеркивает, что представление о “сущностной оспоримости” понятий означает становление неклассической рациональности в общественных науках. Действительно, едва ли не любое общественно-научное понятие в той или иной мере идеологично, т.е. содержит в себе ценностный (оценочный) компонент. Однако это не исключает их рациональной, собственно научной интерпретации в рамках методологии и категориального аппарата конкретной науки, а также рационального сравнения и оценки различных интерпретаций²⁹.

Аксиология наряду с гедонистическими, психологическими, этическими, эстетическими оценками допускает и формулирование рациональных оценочных суждений в процессе и под влиянием практической деятельности³⁰. Применительно к социальным ценностям основанием их рационального истолкования выступает социальная практика, в государственно-правовой сфере, в частности, “эти ценности суть отношения и нормы, институты и состояния, благодаря которым оптимально удовлетворяются потребности социально стратифицированного общества в интеграции и организации, управлении и развитии”³¹.

Полное освобождение общественно-научного знания от его ценностной составляющей – характерная черта философского позитивизма, уподобляющего общественные науки естественным (вопреки их объективному предметно-методологическому различию), абсолютизирующего эмпирический характер научного знания и тем самым ограничивающего объяснительные возможности общественных наук: “Даже когда ценности рассматриваются как существенные элементы человеческой реальности, наука о человеке должна воздерживаться от *ценностных суждений*: это значит, что историк, социолог, психолог должны пытаться раскрыть, какие ценности данного сообщества или данного индивида направляют данные действия или являются источником правил и норм их осуществления. Но сами эти ученые не должны высказываться о таких ценностях, критиковать или защищать их, одобрять или порицать людей, действующих в соответствии с этими ценностями. Иначе говоря, проблема *обоснованности* ценностей не стоит даже перед науками о человеке. Это противоречило бы специфике и структуре науки. Наука говорит о том, что действительно *имеет место*, каковы вещи, какими они могут быть или какими они *не могут быть*, но она ничего не говорит о том, каковыми

²³ См.: там же.

²⁴ Поляков А.В. Российская теоретико-правовая мысль: опыт прошлого и перспективы на будущее // Наш трудный путь к праву. Материалы философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсисянца. М., 2006. С. 88.

²⁵ Еллинек Г. Декларация прав человека и гражданина. М., 1905. С. 1 – 2. Далее Г. Еллинек с сожалением замечает: “...меньше внимания, нежели историческому и политическому значению этого акта, уделяли значению его для развития права” (там же).

²⁶ См.: Gallie W.B. Essentially Contested Concepts // Proceedings of the Aristotelian Society. 1955. Vol. 56. P. 67–198.

²⁷ См.: Lukes S. Power: A Radical View. Basingstoke and London, 1974. P. 9, 26.

²⁸ Ледаев В.Г. Власть: концептуальный анализ. М., 2001. С. 11.

²⁹ См.: там же. С. 11–12.

³⁰ См.: Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985. С. 27.

³¹ Мамут Л.С. Указ. соч. С. 12.

они *должны быть*, поскольку ответ на подобные вопросы потребовал бы выхода за рамки эмпирического опыта, единственного источника знаний, допускаемого наукой³².

Таким образом, права человека, которые, несомненно, представляют собой социальную ценность, могут быть предметом не только идеологической дискуссии, но и рационально-научной, в данном случае юридической, интерпретации. При этом принципиальное значение имеет не то, являются ли права человека и другие ценности, релевантные государственно-правовой сфере, собственно (сугубо) юридическими или носят более широкий, универсальный, моральный характер³³, а то, поддаются ли они юридической интерпретации. Именно утвердительный ответ на последний вопрос (осуществление юридической интерпретации той или иной ценности) свидетельствует о ее юридичности (юридической значимости), релевантности праву и государству³⁴.

Этим, в частности, объясняется вызывающее недоумение В.И. Якунина избирательная “табуизация идеологии” в российской Конституции, когда “на одни ценностные установки распространяется идеологическая квалификация и запрет, на другие –

нет”³⁵. Дело в том, что Конституция РФ провозглашает лишь такие ценности (идеологемы), которые поддаются юридической интерпретации. Юридизация идеи верховенства прав человека выражена, в частности, в ст. 17, 18, 55 и др. Показательно, что все идеологические споры ведутся исключительно вокруг формулировки ст. 2, в то время как анализ и учет положений других статей Конституции мог бы снять большинство вопросов и противоречий. Юридизация той или иной ценности (если таковая возможна) существенным образом ее деидеологизирует (минимизирует ее оценочный компонент).

Между тем любая социальная ценность, взятая именно как ценность (и только как ценность), не-юридична. Дело в том, что ценность в своем деятельностном аспекте, т.е. функционирующая в качестве ориентира для деятельности, обладает весьма ограниченным и своеобразным регулятивным потенциалом. Ценности – это не четкие нормы и стандарты поведения, а определенные идеалы, задающие только общую направленность деятельности, но не ее конкретные параметры.

Ценность определяет *конечную цель*, которая требует реализации, посредством соответствующим образом (телеологически) ориентированной деятельности³⁶. Ценность как бы санкционирует деятельность, направленную на достижение определенного (выраженного в ней) результата, но не предлагает других критериев легитимации образующих ее действий, кроме их эффективности в отношении достижения этого результата. Таким образом, ценность-цель оправдывает любые средства, лишь бы они были эффективны (полезны) в заданных обстоятельствах, а ценность-средство является таковой (ценностью) поскольку способствует достижению ценности-цели. Какой-либо содержательной корреляции между ними не существует.

В итоге “благороднейшая цель может оправдывать самые низменные действия: мир может обернуться войной, а свобода – массовым кровопролитием. По этой причине тот, кто провозглашает в законе ценности, часто является мошенником. Правило ценностей заключается в следующем: выноси судебные решения и действуй так, как кажется необходимым для достижения преследуемой цели. Действие и вынесение судебных решений “в соответствии с ценностями” на самом деле не поддается регулированию на основе объективно определенных критериев, поскольку ценности не сводимы к основаниям, которые могут быть предметом рационального контроля”. Поэтому “ценности как таковые (независимо от их содержания) не совместимы с концепцией верховенства права”³⁷.

³⁵ Якунин В.И. Указ. соч. С. 7.

³⁶ Zagrebelsky G. Ronald Dworkin's Doctrine on Legal Principles: An Italian Point of View // International Journal of Constitutional Law (I.CON). 2003. Vol. 1. No. 4. P. 627.

³⁷ Ibid. P. 627–628.

³² Агацци Э. Человек как предмет философии // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 31. Швейцарский философ полагает, что ценностные аспекты человеческого бытия придают ему собственно человеческое, социальное качество, ибо “вся человеческая деятельность, в конечном счете, объясняется наличием определенных ценностей” (там же. С. 30), являются предметом философского познания, которое также может быть рациональным строгим и объективным, но при этом все равно остается ненаучным (там же. С. 32 – 34). Такое отрицание научного характера философского знания представляется необоснованным. Равным образом и отказ общественных наук от каких-либо ценностных суждений, обсуждения вопросов “как должно быть” лишает их выводы научной значимости, ибо, как справедливо подчеркивает Э. Агацци, все “человеческие действия подлежат оценочным суждениям потому, что они *ценностно-ориентированы*” (там же. С. 27), и при исследовании человека “пресловутая “нейтрализация субъекта”, почти неизбежная в естественных науках, бессмысленна”. Ведь “именно то, что человек является субъектом, отличает его от прочих естественных объектов; поэтому любая программа, игнорирующая бытие человека в качестве субъекта, не может считаться программой его исследования как человека. Вот почему, если мы сводим изучение человека к узконаучному уровню, то мы тем самым отрицаем его специфически человеческую природу... Иначе говоря, если специфика человека подвергается элиминации путем чисто научного анализа и объяснения, тем самым бросается вызов самому существованию человека как человека” (там же. С. 34).

³³ См.: Мартышин О.В. Проблема ценностей в теории государства и права // Гос. и право. 2004. С. 6–7.

³⁴ О.В. Мартышин приводит следующий перечень ценностей, имеющих отношение к государству и праву: сохранение извечного и разумного порядка, установленного высшими силами; справедливость; добродетель; благополучие; безопасность; равенство; свобода; общее благо; благо личности; национальный интерес; классовый интерес; демократия; солидарность; полезность; прогресс и др. (там же. С. 7). Представляется, однако, что далеко не все они могут быть юридизированы. Автор и сам в дальнейшем изложении применительно к юридической сфере рассматривает подробно лишь некоторые из них (там же. С. 7–14).

Юридическое истолкование ценности (той или иной идеи, провозглашаемой в качестве ценности) как раз и заключается в придании ей нормативного характера³⁸. По сути, юридизация ценности – это ее трансформация в принцип³⁹.

Принцип, в отличие от ценности, “является *исходной целью*, которая должна быть реализована посредством *соответственно ориентированной* (согласованной с ним) деятельности. Принцип имеет нормативное содержание в отношении действия или вынесения судебного решения. Критерии действительности того или иного действия или судебного решения могут быть логически выведены из принципа. Действие или вынесение судебного решения “в соответствии с принципами” регулируется и определяется теми же самыми принципами, из которых они исходят: *ex principiis derivations*. Максима принципа заключается в следующем: действуй в каждой конкретной ситуации, с которой сталкиваешься, таким образом, чтобы в твоём действии проявился сам принцип. Это как глыба льда, которая, вступая в соприкосновение с конкретными жизненными обстоятельствами, разбивается на множество кусков и в каждом из них обнаруживается та же самая субстанция исходной глыбы. Между принципом и действием в каждом конкретном случае имеется соответствие, что делает второе предсказуемым, по крайней мере, с точки зрения направленности, которую оно примет”. Поэтому принципы легко интегрируются в концепцию верховенства права, которая сама по себе есть синтез многочисленных принципов⁴⁰. Одни и те же цели (идеалы) могут быть выражены как ценности и как принципы. В первом случае через утверждения, ориентированные на субъективные чувства, ощущения, отношения, во втором – на объективные основания деятельности⁴¹.

При этом возможность именно юридического истолкования той или иной ценности (сведения ее к принципу права) зависит от ее содержания, от того, заключает ли она в себе элементы именно правовой нормативности, что, в свою очередь, обуславливается типом правопонимания, в рамках которого предпринимаются попытки такого истолкования.

Таким образом, права человека, изначально взятые как ценность, и идея их приоритета в системе (иерархии) ценностей нуждаются в юридической интерпретации в качестве принципа верховенства прав человека, что предполагает выявление его регулятивного смысла и обоснование адекватных ему параметров правопорядка.

Между тем в отечественной юридической науке наметилась иная тенденция рассмотрения проблематики прав человека. Они исследуются либо на сугубо юридико-догматическом уровне, с точки зрения способов их законодательного закрепления и защиты, либо в широком общегуманитарном контексте. При этом последний подход, заменяющий собственно теоретико-правовое осмысление прав человека, объявляется соответствующим современному состоянию научного знания и российской традиции. Так, Л.И. Глухарева полагает, что “когда права человека вышли за пределы Европы и энергично стали распространяться по миру, в своем новом качестве всемирного явления они постепенно начали утрачивать характер своей исключительной юридичности, стали приобретать все более широкий гуманистический смысл”⁴². Поэтому “современная общественная практика ставит права человека как комплексную задачу, решение которой не под силу порознь каждой отдельной отрасли знаний о них”, и свою цель она видит в том, чтобы “изложить теорию прав человека комплексно, т.е. к традиционным (политико-правовым) дискурсам о правах человека присоединить другие – антропологические, социокультурные, духовно-нравственные, этико-гуманистические, философско-исторические и т.д., опирающиеся на современную методологию постклассической науки”⁴³. Постклассическая теория прав человека, по ее мнению, представляет их “комплексным, многоаспектным, социально-гуманитарным явлением, в котором правовая составляющая занимает важное, но не центральное место”⁴⁴. “Если классическая традиция характеризовала права человека преимущественно в политико-юридическом ключе, то постмодерн задает им и другие значения: дифференцирует и объединяет философско-гуманистическое, этико-нравственное, политическое, экономическое, конкретно-историческое, воспитательно-дидактическое, социокультурное содержание прав, трактует их как организационный элемент процесса глобализации и становления единого человечества, включает в качестве составляющей коэволюционного развития, соотносит с проблемами информационного, ноосферного общества, становления креативной цивилизации”⁴⁵, – утверждает она. При этом Л.И. Глухарева считает, что “традиции российского научного сознания весьма близки установкам постнеклассической рациональности, особенно в части духовно-нравственных размышлений, диалога научных подходов

³⁸ Традиция нормативного истолкования ценностей и обоснования их регулятивного значения восходит к И. Канту (см. подробнее: *Нерсесянц В.С.* Философия права. М., 2006. С. 78–79).

³⁹ На то, что принципы права представляют собой “юридическую форму”, “правовое преломление” универсальных ценностей, обращал внимание О.В. Мартышин (*Мартышин О.В.* Указ. соч. С. 14).

⁴⁰ *Zagrebel'sky G.* Op. cit. P. 628.

⁴¹ *Ibid.* P. 629.

⁴² *Глухарева Л.И.* Права человека в современном мире (Социально-философские основы и государственно-правовое регулирование). М., 2003. С. 8.

⁴³ Там же. С. 7.

⁴⁴ *Глухарева Л.И.* Методологические аспекты развития теории прав человека // Гос. и право. 2006. № 3. С. 19.

⁴⁵ *Глухарева Л.И.* Права человека в современном мире (Социально-философские основы и государственно-правовое регулирование). С. 18.

и культур, практицизма теории как позитивной программы⁴⁶.

А.В. Поляков полагает, что для своей социальной легитимации в стране со специфической (в глубинной основе православной) культурой идея прав человека “должна быть истолкована только духовно, религиозно-нравственно, а не в духе западного, юридического по своей сути, мировоззрения (абсолютизирующего правовое начало и впадающего, таким образом, в грех идолопоклонства)”. Светского ценностного обоснования прав человека, по его мнению, не существует⁴⁷.

Права человека, как и право в целом, действительно, феномен западной культуры. Именно в рамках западной цивилизации на протяжении всей многовековой ее истории доминировали представления о человеке как существе разумном, наделенном свободой выбора и способностью принимать решения. Постепенно это вылилось в признание самоценности каждой личности, уважение индивидуальной свободы и привело к утверждению адекватных этому формально-рациональных (т.е. правовых) принципов социального взаимодействия. В иных обществах право не стало доминирующим принципом социальной регуляции в результате их собственного исторического развития и сегодня является там регулятором привнесенным, заимствованным и в большей или меньшей мере интериоризированным⁴⁸.

Безусловно, с православных, патриархальных, этатистских и т.п. позиций западное юридическое мировоззрение можно считать греховным (ложным, ограниченным и т.п.). Однако оно от этого не перестанет быть юридическим и, в общем и целом, определяющим основы социально-политической организации большинства стран современного мира, в том

числе и России. Безусловно, возможны, и, наверное, даже полезны, разнообразные (религиозные, этические, культурологические, общегуманистические и т.п.) интерпретации прав человека. Однако они не заменяют и не обогащают их юридическое истолкование, а лишь “размывают” собственно юридическое значение прав человека и снижают их регулятивный потенциал. Права человека, несомненно, будучи многоаспектной гуманитарной ценностью, прежде всего нуждаются в юридической интерпретации, обосновывающей их верховенство в качестве основополагающего принципа правового регулирования и государственной организации.

Представляется, что юридическая интерпретация прав человека, как и любой социальной ценности (если таковая возможна), должна осуществляться в двух направлениях: с одной стороны – теоретическое раскрытие их юридического содержания и его юридико-догматическая конкретизация (формулирование требований к позитивному правовому регулированию и организации государственной власти, вытекающих из принципа верховенства прав человека), а с другой – теоретическое обобщение современной практики правового регулирования (позитивации и защиты прав человека). Подтверждение теоретических выводов юридической практикой и последовательное теоретическое обоснование преобладающей практики позволяет говорить об адекватности и юридической значимости осуществленной интерпретации.

Такая процедура коренным образом отличается от критикуемой А.В. Поляковым “идеологической редукции” – теоретического отождествления права с какими-либо конкретными ценностями, что, по его мнению, “выводит правоведение из области науки”⁴⁹. В данном случае речь идет не о теоретическом обосновании права, исходя из предпочтения какой-либо конкретной ценности⁵⁰, а о выявлении существующей корреляции между регулятивным смыслом определенной ценности (прав человека) и содержательной спецификой права как особого социального регулятора.

⁴⁹ Поляков А.В. Общая теория права. Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. С. 33.

⁵⁰ Там же. С. 34.

⁴⁶ Глухарева Л.И. Методологические аспекты развития теории прав человека. С. 19.

⁴⁷ Поляков А.В. Общая теория права. Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. С. 97.

⁴⁸ См., например: Вебер М. Избр. произведения. М., 1990. С. 54; Синха Сурия Пракаш. Указ. соч. С. 10–63, 281–282; Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 10–14, 160–168 и др.; Козлихин И.Ю. Позитивизм и естественное право // Гос. и право. 2000. № 3. С. 5 – 11; Четвернин В.А. Введение в курс общей теории права и государства. Учебное пособие. М., 2003. С. 89–109.